

ФАИНА
РАНЕВСКАЯ

ВСЕ
Афаризмы

Москва
2018

«Красота —
страшная сила,
и с каждым годом
всё страшнее
и страшнее...»

**ФАИНА
РАНЕВСКАЯ**

ВСЕ
Афаризмы

Москва

УДК 821.161.1-84
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р22

В оформлении обложки использован кадр из фильма
«Слон и веревочка», реж. И.Фрээ, «Союздетфильм»,
1945 год: Legion-Media.

Раневская, Фаина Георгиевна.

Р22 Все афоризмы / Фаина Раневская. — Москва : Яуза-пресс, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-9955-0985-1

Уникальная, самая полная публикация остроумных афоризмов и шаржей гениальной актрисы, которая никогда не стеснялась в выражениях и умела рассмешить до слез и высмеять наповал, а ее забористые шутки, нецензурные откровения, площадная мудрость и «вредные советы» актуальны до сих пор!

«Не найти такой задницы, через которую мы уже чего-то не сделали бы».

«Удача приходит ко всем. Только к некоторым — задом...»

«Чтобы и овцы были целы, и волки сыты — нужно сожрать пастуха».

«Не деньги портят людей, а люди — деньги!»

«Деньги, конечно, грязь, но до чего же лечебная!»

«Лучше уж не встретит мужчину своей мечты и думать, что вы просто разминулись, чем встретить и понять, что мечтала не о том...»

«Красота — страшная сила, и с каждым годом всё страшнее и страшнее...»

УДК 821.161.1-84
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-0985-1

© ООО «Яуза-пресс», 2025

Раневская шутит

*Неизвестные
афоризмы*

Предисловие

Британская театральная энциклопедия внесла имя Фаины Георгиевны Раневской в список лучших актрис всех времен и народов.

В России ее помнят, как «Мулю» из фильма «Подкидыш», которую нельзя нервировать (кстати, Мулей звали мужа героини), мачеху из «Золушки», связей которой боялся даже король, тапершу из фильма «Александр Пархоменко» — курящую, жующую и поющую одновременно, и т. п.

В каждом фильме, где у Раневской была хотя бы эпизодическая роль, запоминалась прежде всего она, а сам фильм часто забывался.

Даже в спектаклях участие Раневской привлекало толпы зрителей, иногда меняя суть спектакля. Так было со «Штурмом» в театре им. Моссовета, где Раневская играла спекулянтку, на сцену допроса которой в ЧК зрители валили валом и... уходили сразу после этого эпизода из зала. Кроме ее знаменитого «Шо грыте?», в «Штурме» было мало интересного...

Но была у Раневской еще одна грань популярности — ее меткие выражения, которые и окружающие, и совсем незнакомые ей люди обожали и которые надолго пережили своего автора.

Язвительный ум и острый язычок Фаины Георгиевны общеизвестны. Она сыпала остротами не потому, что желала острить, это получалось невольно, таким

был образ ее мышления. Почти каждый ответ или комментарий можно было записывать и помещать в книгу, но далеко не сразу догадались делать это.

Большинство невольных афоризмов великой актрисы моментально расходились по Москве и становились народным достоянием без авторства. Находились те, кто присваивал авторство себе.

Лишь часть метких высказываний попала в историю именно как афоризмы Раневской. К сожалению, большинство из них с ненормативной лексикой, которой Раневская иногда пользовалась.

Она не употребляла мат, но любила некоторые непечатные слова и выражения, однако это вовсе не было основой речи актрисы, как может показаться из того, что «запомнилось». К тому же многие непечатные слова вовсе не слышались грубо из ее уст, а всего лишь делали речь колоритней.

Данная книга — попытка «выловить» из множества «народных» анекдотов то, что по праву можно отнести к шедеврам Раневской.

Принадлежали ли все эти афоризмы Раневской?

Со стопроцентной уверенностью утверждать нельзя.

Как и то, что здесь собраны все ее меткие выражения или своеобразные комментарии и советы.

Раневская неисчерпаема, и если народная мудрость добавила к ее мудрости еще сотню-другую шедевров, которые не стыдно запомнить и при случае произнести, ни великая актриса, ни мы с вами в обиде не будем.

Фаина Георгиевна была блестящей драматической актрисой, но из песни слова не выкинешь, и если народная память поставила ей памятник за острое восприятие нелепости мира, таковой должен стоять, хотя бы в самой памяти. Подобные памятники и дороже, и куда крепче даже мраморных, да и много ценней их.

Предисловие

Фаина Георгиевна говорила, что она «недо...», мол, недоиграла, недолюбила, недожила... Но она все равно осталась не только в списке Британской энциклопедии и в памяти соотечественников не только афоризмами.

Она произносила остроты, не задумываясь, конечно, не делила их по темам и не шутила по заказу. И все же, у нее были «любимые» темы для шуток — отношения с главрежем театра им. Моссовета Юрием Александровичем Завадским, перепалок с которым на каждой репетиции актеры просто ждали, актеры и современное состояние театра, «вредные» советы и т.п.

Фаина Георгиевна давала столь острые характеристики людям, что многие обижались, но такова была Раневская, она не считала нужным скрывать свое мнение, что частенько вредило ее отношениям с окружающими. Ее считали невыносимой старухой, но при этом любили даже те, кого она обижала.

Такова уж Раневская...

О театре и актерах

— Какие-то несчастные 99% отвратительно играющих актеров портят репутацию целого театра!

* * *

— У нас актрисы готовы играть кого угодно, только бы роль не отдали смертельной подруге. Я вне конкуренции, с молодости играю старух — роли, на которые мало кто претендует. Беда в том, что таких ролей в пьесах мало, авторы помнят о нежелании актрис играть старух, потому и не вводят такие персонажи.

* * *

— У нас в театре сумасшедшая конкуренция среди дураков и бездарностей. Думаю, не только у нас и не только в театре.

* * *

О посредственной актрисе.

— Недостаток таланта и ума компенсирует бешеной активностью. Ей бы лучше в профсоюзе, а не на сцене.

* * *

— Как бы плохо ни играли в этом сезоне, в следующем обязательно найдется кто-нибудь, кто сыграет еще хуже.

* * *

— Раньше актеры на сцене заявляли о себе, а теперь только поддакивают...

* * *

— Идеальных режиссеров не существует — это не мое мнение, так говорят гениальные актрисы, я только поддерживаю их точку зрения.

* * *

— Среди молодых актеров половина по-русски не говорит, вторая не понимает.

* * *

— Хорошо сыгранная роль подобно зеркалу — в ней каждый увидит собственное отражение.

— А если не увидит, Фаина Георгиевна?

— Значит, либо сыграна плохо, либо весь спектакль проспал.

* * *

— Пока Генка Бортников будет отвлекать автографами поклонниц у служебного входа, можно с комфортом уйти через главный.

* * *

— У Музы тоже есть пристрастия. Она терпеть не может серый цвет посредственности.

* * *

Решается вопрос, как быть с молодым актером, который вовсе ничего не может:

— За год ничему не научился, ничего не добился...

Раневская решает заступиться:

— Зато самостоятельно!

* * *

— Если Верка Марецкая Звезда, зачем ей место под Солнцем?

* * *

— Раньше в театре была окружена творцами, а сейчас натворившими...

* * *

После очередной стычки на сцене во время репетиции одна из «сочувствующих» успокаивает:

— Фаина Георгиевна, не нервничайте.

Нервные клетки не восстанавливаются.

Раневская фыркает:

— Это ваши не восстанавливаются, а мои так очень даже. А потом еще и мстят тем, кто их погубил! И это стоило бы учитывать некоторым несознательным режиссерам и актерам.

* * *

Услышав в чьем-то выступлении, что этот чиновник от культуры быстро поднялся по карьерной лестнице на самый верх в министерство:

— Он не поднялся, он всплыл... Такие всегда всплывают.

* * *

На репетициях с ней иногда бывало невыносимо сложно. Полностью выкладываясь сама, она требовала этого же и от окружающих, даже от новичков, и, имея привычку не сдерживать эмоции, нередко оскорбляла тех, с кем работала. Кто-то привык и не обращал внимания, кто-то просто молчал, не желая ввязываться или испытывая трепет перед властной актрисой, но были и те, кто обижался, и вполне справедливо.

После одного из таких выпадов Завадский требует:

— Немедленно принесите извинения!

Раневская, еще не остыв от возмущения, фыркает:

— Примите мои оскорбления...

Не заметив, что оговорилась, демонстративно удаляется со сцены.

* * *

— Как прошел спектакль?

— На «Ура!».

— Неужели? — сомневается приятельница, зная, что спектакль не очень удачный.

— Зрители кричали «Ура!», когда все закончилось.

— Фаина Георгиевна, о чем задумались?

— У меня закралось подозрение, что нынешние актеры во фразе «души прекрасные порывы» полагают, что «души» — это глагол.

* * *

Начинающему актеру, который на сцене просто невыносим:

— Если не можете играть сами, не мешайте делать это другим! Лучше уйдите, мы ваши реплики между собой распределим.

* * *

— Известные народные артисты это те, кого любят и власть, и народ.

— А неизвестные, Фаина Георгиевна?

— Есть две категории. Те, кому дали звание на юбилей, чтобы отвязаться, и те, кому звания вообще не дали, но народ их любит.

* * *

О новом актере.

— У него на лице написана острая интеллектуальная недостаточность...

* * *

— Бездарности, как сорняки — такие же наглые, крепкие и частые. И так же заслоняют солнце талантам.

* * *

Услышав о неудачном спектакле известного режиссера.

— С опытом даже провалы получаются качественней.

* * *

О режиссере.

— Он всегда хвалит себя вслух, а других молча...

* * *

Марецкая философствует:

— С годами приходят мудрость и опыт...

Раневская театрально вздыхает в ответ:

— Только многих не бывает дома...

* * *

Прислушиваясь к зрительному залу:

— Жидкие аплодисменты подобны поносу — одно расстройство и жаловаться неприлично...

— Учитель, врач, актер — профессии от Бога! — вещает очередной чиновник, забыв, что он атеист.

Раневская вздыхает:

— Только зарплаты от государства...

* * *

— Нелегка жизнь актера, чтобы сорвать аплодисменты, нужно посадить голос.

* * *

На профсоюзном собрании актера ругают за пьянство.

— И, наконец, алкоголь разрушает семьи!

Раневская усмехается:

— А бывает, что создает...

* * *

О невыносимом режиссере.

— Нет, он не последняя сволочь, за ним целая очередь.

* * *

— В этот театр больше никто не ходит.

— Почему?

— Туда невозможно достать билеты, всегда аншлаг.

* * *

— Сейчас режиссеры в театре, как кошки: не нагадили, и уже молодцы!

* * *

— Великие экспериментировали в театре. Теперь экспериментируют театром.

* * *

О знакомом режиссере.

Марецкая:

— Не могу понять, хорошее у него зрение или плохое. Он читает то в очках, то без них.

Раневская в ответ:

— Когда читает то, что написано автором, — в очках, когда между строк — без очков.

* * *

Во время нудного собрания, где уныло говорят привычные слова о штампах и посредственности.

— Неправда, штампы и посредственность театру необходимы!

Труппа мгновенно оживилась в предчувствии нового перла.

— Зачем?

— Надо же знать, чего мы лучше.

* * *

Раневская, у которой было ничтожно мало ролей для ее таланта, очень страдала от незанятости. Одна из актрис насмешливо посоветовала:

— Ах, Фаина Георгиевна, наслаждайтесь ничегонеделаньем!

Раневская горько усмехнулась:

— Безделье доставляет удовольствие только тогда, когда у тебя куча неотложных дел.

* * *

Актер сокрушенно читает вывешенный приказ о вынесении выговора:

— Но ведь вчера уже лично зачитали, зачем же нужно вывешивать на видное место!

— Голубчик, у нас только в любви признаются шепотом и на словах, а гадости обязательно громко и на бумаге.

* * *

— Вы неправы. Он очень любит работу...

Собеседник не соглашается:

— Что-то я не замечал этого!

— ...он часами может смотреть, как другие работают.

* * *

Самих по себе дураков режиссеров и начальников не бывает, их дурость становится заметна, только когда рядом оказываются подчиненные. Редко кому даже из талантливых актеров удастся выглядеть глупей режиссера.

* * *

На вопрос, чему посвящено предстоящее собрание:

— Назначению виноватых.

— ?!

— Если провал есть, а виноватых нет, их надо назначить.

* * *

— У нас режиссеры научились читать в пьесах между строк то, о чем автор и не подозревал.

* * *

— Раньше актеры в театре служили, потом ролью жили, теперь роли играют, а скоро будут просто присутствовать на сцене. Навесят таблички: «Иванов», «Гаев», «Лопухин»... а остальное зритель пусть сам додумывает.

* * *

— Театр жив, пока на сцене «Три сестры», а в зале толпа народа. Вот если будет наоборот, тогда конец...

* * *

Актрисе, фальшиво играющей роль Дездемоны:

— Милочка, вы сильно рискуете.

— Вы думаете, Отелло, войдя в раж, может задушить меня вполне искренне?

— Боюсь, и ража не понадобится, зрители просто не позволят ему схалтурить.

* * *

Раневская называла средства массовой информации средствами массового уничижения.

* * *

— У Завадского в театре были три сестрицы. Верка Марецкая — ткачиха, я Бабариха, а Орлова хоть Гвидона и не родила, но по заморским странам все время болтается.

— А почему вы-то Бабариха?

— Из-за жопы.

* * *

Глядя на то, как лихо выплясывает Вера Марецкая на сцене:

— А говорят, ведьм не существует...

* * *

После слов докладчика «...со всеми вытекающими отсюда последствиями...» громко добавляет:

— ...и выдавливаемыми тоже...

* * *

После очень скучного выступления:

— Сорок минут кряхтел,
а говна всего-то кучка. Больше
выдавить никак не смог.

* * *

На профсоюзном собрании.

— Представьте, какую кучу вопросов нам предстоит
разгрести...

Раневская, разводя руками:

— Какую навалили, такую и будем...

* * *

Заведомо зная, что Раневская побывала на неудачной
премьере.

— Фаина Георгиевна, вам понравился спектакль?

— Да. Я прекрасно выпалась. Правда, сначала меша-
ло хлопанье кресел, зато потом, когда почти все ушли,
стало спокойно. И в гардеробе никакой очереди.

* * *

— От вас никогда не дождешься похвалы!

— Зачем вам моя похвала? Хвалить должны зрители
или Завадский. От первых хоть цветы будут, а второй
роль даст.